

Колдовской мир

Паутина Колдовского мира

Трое против Колдовского мира

Заклинатель Колдовского мира

Волшебница Колдовского мира

Год Единорога

Сказания Колдовского мира

Рогатый венец

АНДРЭ НОРТОН

Волшебной
жизни

ГОД ЕДИНОРОГА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
Н 83

Andre Norton
YEAR OF THE UNICORN
Copyright © 1965 by Andre Norton
SPELL OF THE WITCH WORLD
Copyright © 1972 by Andre Norton
HORN CROWN
Copyright © 1981 by Andre Norton
All rights reserved

Публикуется с разрешения наследников автора
и Ethan Ellenberg Literary Agency (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского
Екатерины Клиповой, Юрия Соколова, Натальи Омелянович

Серийное оформление Виктории Манацковой

Оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Ольги Закис

© Е. И. Клипова, перевод, 2021
© Ю. Р. Соколов, перевод, 2021
© Н. К. Омелянович, перевод, 2021
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-18581-4

Год Единорога

1

Ветер перемен

Кому из нас дано предугадать, чем обернется для него Кочередная превратность судьбы?

Обретаясь на клочке земли, отгородившемся от всего мира глухими стенами, волей-неволей начинаешь желать перемен — любых перемен, лишь бы избавиться от привкуса пыли во рту, плотной пеленой висящей над иссохшим руслом реки времени. Если забраться на колокольню аббатства Норстед — никто уже и не припомнит звона ее колоколов, — взору предстанет лишь бесконечная рябь Долин, простирающаяся до самого Гребня — серо-голубой изломанной линии на горизонте. В ясные дни, когда солнечные лучи истончают завесу тумана, можно еще рассмотреть на западе кромку леса, за которым начинается Фалтингдейл, да на востоке — Когти Сокола, пронзающие небесный свод. Но кроме них, докуда хватает взгляда, — лишь Долины с их вековой отстраненностью от человека и его дел. Они были такими до его прихода; они останутся такими же и после его ухода. И стоит поселиться здесь человеку, как он теряет страсть к движению и суетливость, присущие его племени от рождения, и сам становится подобен этим вековечным холмам.

Однако еще недавно эта земля была охвачена пламенем войны. Звенела сталь, раскалывая надвое щиты, воздух

дрожал от свиста стрел и предсмертных криков. Передышка на пару лет — и вновь война. Сначала открытое противостояние, потом — борьба с мелкими вражескими отрядами, укрывшимися в горах и лесах. Наконец последние остатки войск захватчика были отброшены к побережью и разбиты наголову, и наступил мир, сбивший с толку тех, кто родился в это лихолетье и с колыбели привык слышать только лязг мечей да известия с полей сражений.

Нам в Норсдейле все это известно лишь понаслышке — от тех, кто чудом пережил ужасы погромов и стучался в ворота нашего аббатства в поисках убежища. Мы никогда не видели Гончих Ализона, которые гнались за ними, и за это дамы Норстеда день и ночь возносили в часовне благодарственные молитвы.

Я тоже оказалась в аббатстве из-за войны. Иногда я чувствовала, что задыхаюсь, что не могу больше жить этой безмятежной жизнью, среди людей, совершенно чуждых мне и по крови, и по духу. Остановите любого, гуляющего по этим ровным дорожкам внизу, и спросите обо мне — в ответ вы услышите одно и то же:

— О, так это же Гиллан, помощница почтенной дамы Алусан. Лет восемь назад приехала сюда вместе с госпожой Фризой — была ее горничной. Ну, что еще сказать? Немного разбирается в травах, людей сторонится. Ни красоты у бедняжки, ни родословной. В часовне бывает исправно, и утром, и вечером; иногда можно застать ее за шитьем в компании служанок, но сама служить в аббатстве не желает. А еще от нее слова не дождешься...

Да-да, все вы правы: она почти не разговаривает — зато много думает. И пытается вспомнить. Хотя никому здесь до этого нет никакого дела. Ибо Гиллан не из Высшего Холлака.

Помню корабль. Помню высокие волны, бьющиеся о борт и жаждущие уничтожить творение рук человеческих. Корабль был из Ализона, это я тоже хорошо помню. Но я не

была из Ализона. Не помню, почему я оказалась на борту, но на то была причина. Причина, которая меня, тогда совсем еще малышку, ужасала. Со мною был какой-то мужчина — это он привел меня на корабль. Он погиб — на него обрушилась сломанная мачта, а больше там не было ни одного человека, кому была бы известна цель моего путешествия.

Это случилось как раз в то время, когда лорды Высшего Холлака нанесли сокрушающий удар по Гончим и заняли порт, в который приходили корабли Ализона с припасами и людьми. Так я и очутилась в руках лорда Фурло.

Думаю, он догадывался о моем прошлом, поэтому и отправил меня к своей жене, поручив ей как следует заботиться обо мне. Я стала их приемной дочерью, но счастье мое длилось недолго. Могущество Ализона крепло, он гнал армии лордов все дальше от побережья. Помню, как мы отступали на север, по опустошенным, скованным морозом долинам. Почти сразу после того, как мы добрались до Норстеда, леди Фриза скончалась, а жизнь лорда Фурло обрвала стрела, пронзившая ему горло, и свои догадки обо мне он унес с собой в могилу. И снова я была брошена на произвол судьбы.

Мне хватило одного-единственного взгляда в зеркало, чтобы уяснить раз и навсегда: с женщинами, рожденными в Холлаке, у меня нет ничего общего. У них светлая кожа и румянец на щеках, а волосы желтые, как мелкие цветочки, что по весне распускаются вдоль тропинок в саду, либо того же коричневого оттенка, что и крылышки сладкоголосых птичек, живущих в кронах деревьев по берегам ручьев. Я же смуглая и бледная, а волосы мои, которые я научилась заплетать в тугую косу вокруг головы, чернее беззвездной ночи. Вдобавок эти странные мысли... Однако еще в детстве, играя роль приемыша, я заметила, что стоит мне открыть рот, как людям становится не по себе, и потому быстро смекнула, что лучше держать язык за зубами.

За все годы, проведенные в Норстеде, я повстречала лишь двух особ, в обществе которых я не чувствовала себя чужой. Первой была почтенная дама Алусан — пожилая женщина, предпочитавшая компании своих сестер по ордену общение с травами. Все свое время она проводила в саду или в мастерской, где неустанно что-то толкла, варила, перегоняла и смешивала, чтобы наполнить очередную склянку чудотворным зельем. Мастерство ее было известно далеко за пределами Норстеда, и нередко разбойничьи отряды, прячущиеся в горах, посылали к даме Алусан самых быстроногих из своих гонцов за мазями от нарывов и микстурами от кашля, лихорадки и прочих хворей, неизбежно сражающих человека, избравшего своим обиталищем продуваемые всеми ветрами ущелья.

Когда я впервые попалась ей на глаза, почтенная дама Алусан смерила меня пронизательным взглядом, которым удостаивала лишь диковинные, неведомые ей растения. Она взяла меня под свое крыло и принялась за мое обучение. Училась я охотно и следующие несколько лет провела, жадно впитывая и применяя на практике новые знания.

А потом произошла вторая судьбоносная встреча, нарушившая спокойное течение моей жизни. Я выпалывала сорняки в саду, когда сквозь монотонное жужжание вечных тружениц пчел услышала странный звук, словно кто-то тихо напевал себе под нос. Мелодия показалась мне смутно знакомой, но как бы я ни напрягала слух, пытаясь вспомнить, откуда могу ее знать, ничего не выходило — моя память молчала.

И тогда я поднялась с земли и, послушная зову этой мелодии, направилась через арку вглубь сада, ту его часть, что предназначалась исключительно для отдыха. Здесь был выкопан прудик, в центре которого бил фонтан и росли цветы. У прудика стояло кресло, наполовину скрытое в тени деревьев, а в кресле, утопая среди подушек, закутавшись в многочисленные шали, хотя день был теплый и солнеч-

ный, сидела одна из тех почтенных дам, что почти все свое время проводят в затворничестве в своих кельях и чьи имена вызывают благоговейный трепет среди юных обитательниц аббатства.

Ее лицо, обрамленное складками капюшона, казалось совсем маленьким и белым, а морщинки в уголках глаз и вокруг рта говорили не только о преклонном возрасте, но и о привычке с улыбкой встречать любые невзгоды. Ее сморщенные руки неподвижно лежали на коленях, а на одном из скрюченных от старости пальцев сидела крошечная ящерка. Ящерка, подняв головку, глядела блестящими глазками на свою хозяйку — казалось, будто эти двое вели приятную, им одним понятную беседу.

Пение оборвалось, и женщина, по-прежнему не отрывая взгляда от своей маленькой компаньонки, тихо произнесла:

— Приветствую тебя, дочь моя. Какой чудный день.

И пусть в словах этих не было ничего особенного — я слышала их чуть ли не каждый день, — мне отчего-то тут же стало необычайно тепло и спокойно на душе. Я подошла к креслу и опустилась на колени. Так я повстречалась с аббатисой Малвинной. Как и почтенная дама Алусан, она многому меня научила, но ее наука касалась не растений, а всевозможных тварей — крылатых, четвероногих, ползучих, — среди которых у человека много и друзей, и врагов.

Однако жизнь аббатисы клонилась к закату, а потому, как ни горько, нашей дружбе было суждено продлиться совсем недолго. Она, единственная во всем Норстеде, знала мою тайну. Ума не приложу, чем я выдала себя, скажу лишь, что аббатиса восприняла новость о моих способностях совершенно спокойно. Последняя наша встреча состоялась в ее келье. Она лежала в кровати — неподвижная хрупкая оболочка, сдерживающая свободолюбивый дух, — и впервые за все время нашего знакомства засыпала меня вопросами. Что за жизнь у меня была до того, как я очутилась на

корабле Ализона? Помню ли я хоть что-то? И когда поняла, что отличаюсь от остальных? На все ее вопросы я отвечала без утайки.

— Дочь моя, ты очень умна для столь юного создания, — прошептала она, когда я закончила. — Такова уж наша природа — мы боимся того, чего не в силах постичь. Я слышала, за морем есть страна, где живут женщины, обладающие чудесной Силой, и страну эту Ализон ненавидит так же сильно, как нашу. Может статься, это и есть твой дом.

— О матушка аббатиса! — воскликнула я. — Умоляю, скажите, где эта страна? Как мне...

— Попасть туда? Никак. Даже не думай об этом. Если ты рискнешь отправиться туда, где Ализон сможет вновь наложить на тебя руки, поверь, ты будешь умолять о скорой смерти. Не омрачай свои годы напрасными желаниями. Не мучай себя. На все воля Тех, кто разжег Пламя. — Тут она улыбнулась мне одними глазами. — Неблагодарное это дело — обещать лучшую долю юному созданию, но пусть это будет моим последним даром тебе, доченька. Пламя мне свидетель, скоро ты найдешь то, что ищешь, и пустота в душе твоей заполнится.

Однако миновало уже три зимы с того дня, как было дано мне это обещание. Война закончилась, и в аббатстве царило необычайное оживление: лорды возвращались в Норстед за своими женами, сестрами и дочерьми. Единственное, что занимало сейчас умы обитательниц узких комнатушек в башне, — близившийся сезон свадеб, который уже давно окрестили Великой Сделкой.

Случилось это в год Грифона: лорды Высшего Холлака, теснимые Ализоном, пребывали в бедственном положении и потому были вынуждены искать подмоги у Всадников-оборотней. В первые дни весеннего половодья лорды явились в соляные дюны для переговоров.

Те, кто откликнулся на их призыв, имели человеческий облик, однако людьми не были. Но они были великими вои-

нами. Никто не ведал, сколь многочисленно их войско, но не было никаких сомнений в том, что Всадники обладают сверхъестественной Силой.

Их называли оборотнями, колдунами и шаманами, но, кем бы они ни были на самом деле, Всадники никогда не нарушали данных ими клятв. Они заявили, что будут сражаться за Высший Холлак, но лишь под командованием собственных вождей и придерживаясь собственной тактики.

Война продолжалась в течение года Огненного Дракона и следующего за ним года Шершня. Наконец Ализон был выбит с побережья, которое он когда-то захватил, и лишился доступа к морю.

Война закончилась, и настало время расплаты по договору. Всадники обещали лордам не только свою помощь: они поклялись навсегда уйти с пустошей, позволив людям стать полновластными хозяевами всех освобожденных земель. Однако не раньше, чем лорды выполнят свою часть соглашения — дадут им прекрасных женщин.

Как ни странно, но женщин среди Всадников никогда не было. Послы, которых лорды время от времени отправляли в их лагерь еще до заключения Великой Сделки, говорили, что не видели там и ни одного ребенка. Быть может, эти существа обитали здесь с начала мира и время попросту не имело над ними власти?

Как бы то ни было, они потребовали тринадцать девушек — не вдов и не монахинь — не моложе восемнадцати и не старше двадцати лет, здоровых и благородного происхождения. В первый день года Единорога лорды обязались привезти тринадцать избранных к границе пустошей и оставить их там на милость их новой, непостижимой судьбы.

Несомненно, думала я, этим тринадцати будет очень страшно — как говорила аббатиса Малвинна, мы боимся того, чего не понимаем. Однако для некоторых эта неизвестность станет желанным спасением от заведомо печальной

участи. Ведь у многих девушек нет ни богатого приданого, ни красоты — чтобы отвлечь внимание от этого прискорбного недостатка, — ни любящих родственников, готовых взять их под свое крыло, зато предостаточно злопыхателей, и потому Великая Сделка для них — меньшее из двух возможных зол.

В Норстеде жили пять подходящих девушек. Однако две из них были помолвлены и с нетерпением ожидали весны, чтобы наконец соединиться священными узами со своими избранниками. Третья, леди Толфана, благодаря своей блистательной родословной была попросту обречена на союз с аристократом, и ни ее посредственная внешность, ни острый язычок не могли бы этому помешать. Что до четвертой, умницы и красавицы Мэрим, никто не сомневался, что влиятельный дядюшка увезет ее отсюда и подыщет ей супруга на собственное усмотрение. А последняя, Сассия...

Как же мне описать Сассию?.. Она была старше остальных, обладала живым умом и охотно поддерживала любую беседу, вот только о себе самой она не говорила никогда. Интересно, замечал ли ее скрытность еще кто-нибудь, кроме меня? Сассия происходила из знатного рода, ее семья владела землей на побережье, но Сассия не помнила отчего дома, потому что ее отправили в Норстед сразу после рождения. Она состояла в родстве с хозяином Норстеда, но навряд ли в столь близком, чтобы позволить ему вмешиваться в ее судьбу... И потому — да, Сассия вполне могла стать одной из невест. Вот только как она себя поведет, если выбор падет на нее? Спокойно воспримет новость — или наконец сбросит маску спокойной любезности и покажет свое истинное лицо?

— Гиллан!

Кутаясь в шаль, я глянула вниз. Снежок, запорошивший сад, ослепительно сиял на солнце, но холодный зимний ветер пронизывал до костей. Под моим балконом стояла почтенная дама Алусан.

Неслыханное дело — моя хозяйка пришла за мной самолично! Во мне вдруг шевельнулось странное, давно забытое чувство. После всех этих лет... возможно ли, что я вновь ощутила дуновение ветра перемен?

За все время, проведенное в аббатстве, я научилась передвигаться неспешной поступью, в соответствии с заведенным порядком, однако сейчас нетерпение мое было слишком велико. Я со всех ног бросилась вниз по ступенькам и, лишь оказавшись внизу, степенным шагом направилась к дверям.

— Да, госпожа?

Она ответила на мой учтивый поклон быстрым кивком.

— До нас дошли кое-какие вести, всем приказано собраться в общем зале, — объяснила мне наставница, хмурясь. — Ступай в мастерскую, закончи дистилляцию, иначе вся моя работа пойдет насмарку.

И, взявшись руками за развевающиеся концы своей вуали, она двинулась в аббатство с видом человека, твердо решившего побыстрее покончить с формальными обязанностями и вернуться к прерванному занятию.

Вести? Но кто их принес? Через Долины никто не проезжал — всадника я бы заметила. Может, птица? Когда я поднималась по ступеням башни, мне послышалось хлопанье крыльев. Вероятно, это и был посланник — аббатиса Малвинна рассказывала, что в свое время она занималась обучением птиц. Но что за вести принес этот крылатый глашатай? Неужто снова разразилась война и Гончие готовятся осадить Норстед?

Однако времени на размышления у меня не было: если не поспешу — мне крепко достанется, и не важно, царит ли по-прежнему на нашей земле мир, или же враг стоит у самых ворот.

Мастерская встретила меня привычной густой смесью ароматов, от сосуда для дистилляции распространялось чарующее благоухание, и я с наслаждением принялась за

работу. Эта задача была выполнена, жидкость благополучно разлита по бутылочкам, аппарат трижды промыт, как было заведено, наступил уже ранний зимний вечер, а почтенная дама Алусан все еще не вернулась. Я задула огонь в лампах, заперла дверь на задвижку и поспешила в главный зал аббатства.

Щебетание голосов, доносившееся до меня, с каждой минутой становилось все пронзительнее, как нередко бывает, когда разговаривают только женщины. Я вошла в зал: у камина собрались все девушки, нашедшие приют в стенах Норстеда; две послушницы накрывали на стол, однако ни одной из почтенных дам здесь не было.

Я повесила шаль на крючок у двери и подошла к огню. В этом сборище я не была своей, — думаю, никто из обитателей нашего аббатства толком не понимал, как ко мне относиться: то ли как к приемной дочери высокородного лорда, то ли как к послушнице, хотя я и не носила вуаль и чепец. Как бы то ни было, сейчас им было не до меня: девушки тараторили без умолку, и даже те, что обычно бывали скупы на слова, из кожи вон лезли, чтобы перекричать остальных. Воистину горноста́й попал в наш курятник!

— Гиллан, тебе уже сказали? — Прекрасное личико Мэрим пылало от возбуждения. — К нам едут гости! Они будут здесь уже к часу Пятого пламени!

Вот оно что — воины возвращаются с поля боя! Но почему почтенные дамы до сих пор совещаются? Обычно они пережидают наплыв гостей в кельях и не покидают своих скромных жилищ до тех пор, пока в аббатстве остается хоть один мужчина.

— Гости? Это твой дядюшка, лорд Имгри?

— Да, но не он один! С ним невесты, Гиллан! Невесты для Всадников! Они направляются к границе пустошей по северному тракту и остановятся у нас на ночь! О Гиллан, мы должны помолиться за этих бедняжек!

— Зачем? — своим обычным невозмутимым тоном спросила Сассия.

Я невольно залюбовалась ею. Она не могла сравниться красотой с Мэрим, но обладала кое-чем несравнимо более ценным — особой, поистине королевской грацией, которая, в отличие от красоты, с годами не меркнет.

— Зачем? — с негодованием повторила Мэрим. — Неужто сама не понимаешь? Их ведь везут на верную гибель!

И тут Сассия сказала то, о чем думала и я сама:

— А может, все совсем наоборот: и ждет их не гибель, а спасение? Не у каждой из нас есть теплое, надежное гнездышко, птичка моя.

Сассия словно говорила о себе. Но с чего она взяла, что завтра на рассвете именно она покинет эти стены?

— Да я скорее умру, чем соглашусь выйти замуж за какое-то чудовище! — воскликнула Мэрим.

Я попыталась ее успокоить:

— Ну что ты, тебе нечего бояться.

Я видела, как страх стучится вокруг нее черной тенью, и опасалась, что она вполне способна исполнить свою угрозу.

Сассия, стоявшая за спиной Мэрим, бросила на меня странный взгляд. Неужели она и правда что-то знает? Мне вдруг стало не по себе, я почувствовала, как густеет воздух, напоенный благоуханием листьев, подбрасываемых в огонь. Что-то грядет.

— Мэрим, Мэрим, пойдی сюда!

Это окликнули ее девушки, которые были обручены. Мэрим не заставила себя упрашивать и поспешила покинуть нашу компанию. Казалось, рядом с этими счастливицами она чувствует себя спокойнее, словно их безопасность давала защиту и ей самой. Сассия же продолжала смотреть на меня, и лицо ее по-прежнему было непроницаемо.

— Пригляди за ней сегодня. Я с нее тоже глаз не спущу, — произнесла она.

— Но зачем?

— Потому что ее выбрали.

Я уставилась на нее в немом изумлении, хотя в глубине души знала, что Сассия говорит правду.

— Но... откуда...

— Откуда я знаю? — быстро зашептала она, уводя меня в сторону. — На днях я получила письмо... Не скрою, я была уверена, что тринадцатой выберут меня, — на то были все основания, — но вдруг оказалось, что моя семья передумала. Пока шла война, у меня не было и клочка земли — теперь же я мало того что хозяйка нескольких замков, так еще и единственная наследница своего рода. — Ее тонкие губы скривились в ухмылке. — А значит, слишком ценное сокровище. Уже весной меня выдадут замуж, но только в долину. Ты спросишь: почему Мэрим привлекает мужчин, хотя у нее нет приданого, чтобы наполнить кошельки или выстроить особняк? Потому что мужчин влечет красота. А если мужчина захочет власти — он найдет способ получить ее и без кошелька жены. У лорда Имгри власти предостаточно, но ему все мало — он готов на любой риск, лишь бы получить еще немного. Всадники оказали ему услугу — и он отдает им свою племянницу. Остальные его выбор одобряют: конечно, ведь в этом букете она — самый прекрасный цветок.

— Они ее не заставят...

— Заставят, вот увидишь. Но, испив эту чашу, она умрет.

Я бросила быстрый взгляд на Мэрим. Лицо ее разрумянилось, она что-то говорила, оживленно размахивая руками. Была в ее облике какая-то нездоровая, лихорадочная веселость, которая мне не понравилась. Ну да кто я, чтобы вмешиваться в дела этих девиц, чуждых мне и по крови, и по духу?

— Она умрет, — упрямо повторила Сассия. — Если лорд Имгри вознамерился отдать ее Всадникам — и его выбор был одобрен, — участь ее решена.

— Но ведь часто бывает и так, что, прислушавшись к женщине, мужчина отказывается от своего решения.

— Не в этот раз. Никто не согласится взять вместо Мэрим другую — второй-то такой красавицы днем с огнем не сыщешь.

Говоря это, она продолжала многозначительно смотреть на меня, как будто я была способна проникнуть в ее мысли, понять, что на самом деле стоит за ее словами. Я же в этот момент думала о Норстеде: что я делаю в этом застывшем, покрытом вековой пылью мире, где один день неотличим от другого?.. А пока я размышляла, леди Сассия выпустила мою руку и отошла в сторону.

Я взглянула на нее — вновь холодную и невозмутимую — и вдруг разозлилась. «Да она попросту воспользовалась мною!» — мелькнула неприятная догадка, однако уже через мгновение вся моя злость испарилась. Не важно, какой способ выбирает Провидение, твое дело — смотреть внимательно, не позволяя гневу застит твой взор. В аббатство приедут двенадцать невест, а поутру отсюда уедут тринадцать... Что ж, да будет так.

Как это устроить? Я много знала об аббатстве и его обитателях и могла бы в ближайшие часы узнать еще больше, на что-то ведь даны мне глаза и уши.

2

Невесты: двенадцать и одна

Я быстро шагала по темному, холодному коридору. Настенные лампы почти не давали света, но я так хорошо знала все местные закоулки, что могла бы пройти здесь хоть с закрытыми глазами. Массивная дверь зала собраний была заперта — почтенные дамы давно разошлись по кельям, расположенным в крыле аббатства, куда не было доступа гостям.

Гости... Лорд Имгри, предводитель этой компании, оказался человеком с суровым, жестким лицом; в его аккуратной подстриженной бороде и на висках уже серебрилась седина. При одном взгляде на него становилось ясно, что он безжалостен, глух к мольбам и уступит лишь в случае, если это обещает хорошую выгоду.

С ним были трое мужчин, тоже благородного, но не столь высокого происхождения. Солдаты, беспрекословно выполняющие свой долг, однако было заметно, что им это не по душе. Остальная часть отряда разместилась в деревне.

И конечно же, невесты. До этой поры мне доводилось видеть невест лишь на деревенских свадьбах, на которые меня брала с собой почтенная дама Алусан, в чьи обязанности входило благословлять союз влюбленных. Это были сплошь веселые, улыбающиеся лица, а если кто и плакал, то лишь от счастья.

Однако невесты, которых я встретила сегодня, не улыбались и не выглядели счастливыми. Все они были одеты одинаково: юбка для верховой езды, теплый плащ, под ним — еще один, короткий, с вышитым фамильным гербом, — и ни малейшего намека на праздничный наряд.

Говорят, все невесты в день свадьбы прекрасны. Что ж, две или три девушки отличались особенной красотой — они говорили нарочито громко, глаза их блестели, а на щеках играл лихорадочный румянец. Однако остальные сидели тихо, как мышки, пряча заплаканные глаза.

Я слышала, как леди Толфана прошептала на ухо соседке:

— Хорошенькая? Не то слово. Леди Гралия теперь вздохнет свободно. Ходят слухи, ее любовник лорд Джеррет — тот, что ни одной юбки не пропустит, — начал засматриваться на ее сестричку.

Килдас была одной из тех девушек, что говорили без умолку. Ее каштановые волосы в свете ламп отливали бронзой; природа наградила ее миловидным личиком, пух-

Нортон А.

Н 83 Колдовской мир. Год Единорога : романы, повести, рассказ / Андрэ Нортон ; пер. с англ. Е. Клиповой, Ю. Соколова, Н. Омельянович. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 608 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-18581-4

Перу американской писательницы Андрэ Нортон, «великой леди фантастики» XX столетия, принадлежит более 130 книг. Критики, увы, не спешили поддержать ее, а сама она была слишком скромным человеком, чтобы пробивать себе дорогу к пьедесталу. Тем не менее талант ее сиял так ярко, что не остался незамеченным. В нашей стране имя писательницы стало известно после выхода романа «Саргассы в космосе», блистательно переведенного Аркадием и Борисом Стругацкими. А в 1963 году в США вышла книга под названием «Колдовской мир» — так был создан один из известнейших фэнтези-миров в истории жанра.

Во второй том цикла «Колдовской мир» вошли два романа и сборник, объединенные местом действия.

Эту гористую землю по неизвестной причине покинули люди Древней расы, а те, кто пришел сюда, назвали ее Высшим Холлаком в честь своей утраченной родины. В этот новый мир можно было пройти только через магические Ворота.

До Великого Вторжения Высший Холлак наслаждался миром и закон царил в его пределах. Но благословенные времена подошли к концу. Лорды Высшего Холлака, теснимые врагами, были вынуждены искать подмоги у таинственных Всадников-оборотней — и взамен те потребовали в первый день года Единорога привести им тринадцать девушек благородного происхождения...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

АНДРЭ НОРТОН
КОЛДОВСКОЙ МИР
ГОД ЕДИНОРОГА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Светлана Прохватилова
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Терскова, Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.03.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-ZNF-27203-01-R